

The background of the cover is a photograph of a train at a station during sunset. The train is covered in graffiti and has the number '2' on its side. The sky is a mix of orange, yellow, and dark brown, with power lines and station infrastructure visible in the distance.

16+

ФОНТАН ЖИЗНИ

СЕРГЕЙ КАЛАШНИК

Сергей Калашник

ФОНТАН ЖИЗНИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36625947

SelfPub; 2022

Аннотация

Неожиданные казусы памяти могут сделать из совершенного космического офицера уникального учёного. Почему так происходит? Ответ на этот вопрос может найти псимограф – прибор, считывающий все псимволы мозга человека. Вот только у этого прибора есть и побочный эффект – можно лишиться здравомыслия навсегда! Хочет ли этого космический воин? Скорее – нет! А вот учёный, живущий внутри него, желает этого эксперимента. Какая из внутренних личностей победит?..

Содержание

1	4
2	14
3	21
4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Сергей Калашник

Фонтан жизни

1

Зельцы продолжали наступать плотными шеренгами. Я смотрел на эти шеренги и понимал, что долго наш отряд наемников такого натиска не выдержит. А зельцы наглым образом наступали и наступали. Я всматривался в аморфные не гуманоидные тела зельцев, которые не имели даже конечностей, а соответственно не могли держать оружия. И любовался, как они наступают без оружия, давя нас своей многочисленностью. Я уже собрался в очередной раз проклинать наше земное правительство, которое решило расширить свои владения путем военных действий на планетах, где могут жить люди, но меня отвлек голос моего подчиненного:

– Что будем делать, Серж? Эти проклятые зельцы скоро возьмут нас в кольцо, а помощи с Земли нам не дожидаться...

Я и так прекрасно понимал, что весь мой отряд наемников сейчас находится в безвыходном положении. На самом деле не один космический легион не пойдет против такого количества зельцев. Да и кто будет горевать по отряду наемников? Ведь у большинства моих подчиненных нет даже родных и близких, как и у меня, впрочем, тоже. Я формиро-

вал этот отряд из таких же, как и я сам – одиноких людей, не имеющих ни родных, ни близких. Я не боялся умереть, но это не значит, что тоже ощущали мои подчиненные. А это значит, что я должен заботиться о них.

– Командир, нужно что-то делать, – напомнил мне здоровенный парень по имени Борис.

Это меня отвлекло от мрачных мыслей, которые собирались забраться ко мне в голову. Я окинул взглядом наш отряд, который состоял из 25 человек. Это были в основном мужчины и всего три женщины, и они все доверяли мне, и я доверял им как самому себе. Мне необходимо было что-то делать. И я сделал.

– Будем выходить из окружения, тем более что кольцо пока еще не закрылось!

– У нас осталось мало боеприпасов, – напомнила мне Виктория, женщина железного характера и сильной воли.

– Я знаю, – я постарался придать своему голосу уверенность, но, боюсь, у меня это не получилось. – Выход из окружения – это единственный шанс...

– А мне кажется, шансов уже нет, – это говорил парень, который самый первый начал вопрошать «что делать?». – И не успокаивай нас банальными фразами типа: «Из любой ситуации есть выход» или «всегда есть какой-нибудь шанс» ...

Я не собирался их успокаивать – не маленькие уже, в конце-то концов. Если честно, то я и сам бы не отказался от хорошей дозы успокоительного.

– Кто-нибудь хоть когда-нибудь видел живого человека, попавшего к зельцам в плен? – грозно начал я.

Все молчали, хмуро посматривая на меня. Я знал, что еще никто не встречал пленников зельцев – ни живых, ни мертвых.

– Именно поэтому, – грозно продолжал я, – мы будем пробираться из окружения до последнего энергетического заряда в наших бластерах! Я надеюсь, никто из присутствующих не хочет стать пищей для этих тварей?!

Ходили слухи, что зельцы питаются людьми, поэтому они берут людей в плен и не убивают, чтобы тело, их пища, подольше сохранялось. И проверить эти слухи на себе у меня желания не было.

– Нет!!! Отстреливаемся! Прорываемся!!! – нестройным хором заревел мой отряд.

– В таком случае, – оборвал я хоровой порыв своего отряда, – выходить из окружения будем «клином». Я пойду в центре остальные мужчины по обе стороны от меня, а женщины будут прикрывать нам тыл...

– Женщины одни не справятся, – вмешался в разговор негр по имени Эйс.

– Это кто не справится?! – вмешалась в разговор мулатка Эльза.

– Сейчас не время спорить! – прервал я очередные дебаты, которые то и дело возникали между этой парочкой. – Тогда ты Эйс, и ты Антон усилите защиту тыла...

Я хотел, было еще сообщить какие-то технические соображения выбранной стратегии, но замолчал при виде лиц своего «войска». Эти люди и так все прекрасно понимали, а лишние слова только тянут время. Я на секунду посмотрел в глаза Антона, своего помощника, и понял, что моя спина будет защищена лучше, чем любая другая часть моего тела.

– Вперед!!! – скомандовал я, теперь понимая, что не стоит тратить время на детали.

Хорошо отработанными движениями и действиями ребята во главе со мной перестроились в стройный клин. Далее мы шли плечо к плечу. Мы пока не стреляли, чтобы сэкономить остатки энергетических зарядов. Зельцы не спеша, продолжали приближаться. Я впервые заметил, что их бесформенные тела отличаются друг от друга не только формой, но и цветом.

– Огонь!!! – скомандовал я, как только зельцы приблизились на стопроцентное попадание в них.

Я поймал себя на мысли, что в настоящий момент меня интересовали не только заканчивающиеся заряды, но и странность в смерти зельцев. К тому, что при попадании энергозаряда аморфное тело зельца взрывалось, как мыльный пузырь я уже привык. Но сейчас я впервые заметил, что их тела постоянно меняют полутона. Раньше мне казалось, что их бесформенные тела имеют строго зеленую окраску, но теперь я видел, что до попадания заряда цвет тела становился то светлее, то темнее, а иногда и вообще – светло-са-

латовым...

Нужно отметить, что зельцами земляне их начали называть из-за зеленой окраски тела. Вначале этих не гуманоидов называли зеленками или зеленью, но потом как-то само собой эти прозвища трансформировались в зельцев.

Когда человек осознает, что он находится в безвыходном положении, он начинает обращать внимание на мелочи, до которых раньше ему не было дела. Так и я сейчас пытался найти ту соломинку, которая поможет мне и моему отряду оставаться продолжительное время на плаву. Но ничего подходящего не было видно. Вокруг были только зеленые зельцы, которые взрывались при попадании энергозаряда. Эти существа окружали нас спереди, сзади и по бокам. Впереди все было свободно. Создавалось впечатление, что мы идем в тоннеле из зельцев...

– Стоять!!! – резко скомандовал я.

Осознание происходящего неожиданно стало понятно, как голографическая стереокарта.

– В чем дело командир? – узнал я голос Кристофа.

Он находился с правого фланга, где-то по центру, поэтому я не мог его видеть, но я узнал его голос.

– Нас ведут в засаду! – сообщил я свою догадку.

– Мне тоже так показалось, – поддержал меня Эйс.

Наступила тишина. Создавалось впечатление, что кто-то невидимый включил стоп кадр. Вокруг нас была немая сцена – зельцы остановились в ожидании нашего дальнейшего

движения, что доказывало мою догадку. Никто из моих подчиненных не стрелял, а зельцы продолжали стоять, не двигаясь...

– Что будем делать Серж? – голос Антона был как всегда спокойным. – Назад дорогу они нам уже перегородили!

– Предлагаю узнать, куда они нас заманивают, – Генри всегда был авантюристом, и я это знал.

– Кто еще что думает? – я решил поиграть в демократию, чего раньше за мной не наблюдалось.

– Я согласен с Генри, – высказал свое мнение Питер, подерживая друга.

– Я тоже, – голос Эльзы был необычно жестким.

Остальные бойцы скромно промолчали, тем самым выражая свое согласие. Я тоже мочал. Если быть честным, то можно сказать, что тогда я не знал, что делать и потому молчал, ожидая подсказки от своих бойцов. Но все молчали – они тоже не знали решения этой проблемы. Подсказка пришла от несметного войска зельцев – они начали наступать с тыла и по бокам, выдавливая нас, словно пробку из бутылки, в нужном им направлении.

– Придется прислушаться к предложению Генри, – констатировал я.

– Мы можем принять смерть прямо здесь, – впервые заговорил Омар, демонстрируя свой фатализм.

– Нет уж, мне также становится интересно – чего же от нас хотят зельцы, – отрезал я, и добавил: – Движемся не спеша,

патроны экономим. Пошли!!!

И мы, не торопясь, двинулись в указанном зельцами направлении. А что нам еще оставалось делать?!

– Прекратить огонь!!! – скомандовал я, как только понял, что после начала нашего движения зельцы остановились. – Экономим патроны! Все равно противник не наступает.

Дальше двигались молча. Я внимательно наблюдал за зельцами – они по-прежнему оставались зелеными и бесформенными. Тоннель из их тел был настолько плотным, что не было видно ландшафта.

Движение по тоннелю из зельцев заняло около 20 минут. Мы пришли к горизонтальной пещере, которая была окружена такими же зельцами. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – пещера под крутым углом идет под землю.

– Остановились!!! – рявкнул я, не зная удивляться или возмущаться.

Удивлен я был тем, что никогда не знал и не слышал, что на Келсе существуют пещеры. Возмущен же тем, что впервые за всю свою военную карьеру мне пришлось «плясать под дудку» врагов.

– И что дальше? – спросил стоящий сзади Александр, самый молодой в моем отряде.

– А может быть они хотят нас замуровать заживо? – предположил Адам, пожилой и чрезмерно суеверный мужчина.

– Не думаю, – отверг я это предположение. – Это они могли сделать, не утруждая себя столь странным маневром.

Тем временем зельцы начали сжимать кольцо, вынуждая нас спускаться в пещеру.

– То, что мы уже в плену сомнений нет, – начал я размышлять вслух. – На мой взгляд, из этого есть только два выхода. Либо еще раз прислушаться к предложению Генри и узнать, куда и зачем они нас заманивают. Либо пропитаться духом фатализма Омара и умереть здесь и сейчас. Что скажете?

Мой отряд молчал. Что ж я командир – мне и принимать решение.

– Тогда постараемся выяснить, чего же от нас хотят эти чертовы зельцы! – я принял решение.

– Как скажешь командир, – поддержал меня Антон.

– Опускаемся, не спеша! Огонь можно прекратить, все равно зельцы уже не наступают, а заряды могут нам пригодиться в пещере, – я отдавал приказы, а сам продолжал внимательно наблюдать за зельцами, пытаюсь понять, чего же они хотят с нами сделать.

На этот раз никто из моего отряда не решился комментировать мои слова. Все прекрасно понимали, что суют свои шальные головы в западню.

Спуск в пещеру был не слишком крутым. На стенах были натеки, которые образовывали нечто подобное лестницы. В отличие от земных пещер – эта пещера была полностью сухой. Создавалось впечатление, что натеки, на которые мы ступали, были искусственного происхождения, а не природного. Освещение было не то искусственным, не то естествен-

ным, но его было достаточно, поэтому мы и не задумывались о том, как будем ориентироваться, когда наступит темнота, ведь фонариков у нас не было.

Следует отметить, что на Келсе была своеобразная география. На планете имелаась флора и фауна. На ней присутствовали и реки, и озера, и моря, но совершенно не было гор. Келсе отличалась завидной равнинностью. Может быть, именно поэтому я не подозревал о существовании природных пещер... или все же пещера была природной?

Моя команда молчала. Я так же старался не тревожить их молчаливые размышления. Если честно, то мне и своих размышлений было достаточно. Например, я был удивлен таким поведением зельцев. Я воевал на Келсе уже больше трех лет и никогда не замечал, что эти не гуманоиды отличаются расцветкой. Более того – я впервые заметил, что эти зеленые существа умеют думать. Ведь неспроста они заманивали нас в пещеру.

Мои размышления прервались неожиданно наступившей темнотой. Я не удивился. Мои сослуживцы, по-видимому, так же не были удивлены. Они молчали, не выражая никаких эмоций. Мы остановились, ожидая, когда глаза привыкнут к темноте. Но в место этого мое сознание начало покидать меня...

«Какая банальная ловушка. На что мы надеялись, когда опускались в эту пещеру?! Интересно, они используют нервнопаралитический газ или смертельно опасный?» – это было

последним, что я подумал в тот момент...

На меня смотрели глаза. До боли знакомые глаза, но я никак не мог вспомнить их владельца. Может быть, лицо мне подсказало – знаю я того, кто на меня смотрит или нет, но лица у глаз не было. Точнее – оно наверняка было, но я его не видел. На меня всего лишь смотрели глаза, черные глаза. «Почему-то нет цветности» – подумал я и удивился инертности собственных размышлений. Удивление сразу же исчезло, и я тут же забыл, что вообще чему-то удивлялся.

Глаза продолжали смотреть, не моргая на меня. Мне показалось, что я хорошо вижу сетчатку и радужку этих глаз. Эти глаза привлекали к себе внимание. Даже более того – я не мог оторваться от этого взгляда. Это действовало на меня завораживающе. Я продолжал всматриваться в них. Этот взгляд окутывал меня... Я начал растворяться в этих черных глазах. «Интересно, а кому они принадлежат?» – мелькнула в голове ленивая мысль. Глаза начали исчезать. Да-да, я не оговорился! Глаза не закрывались, а именно исчезали, исчезали, и исчезали в темноту...

Тогда я еще не связывал видение этих глаз ни с чем, а надо было бы! Это я понял позже. А сейчас я сожалел, что не могу смотреть в эти глаза!

Темнота уходила медленно. «Темнота», наверное, сказано очень громко – я просто начинал видеть. Вместе со зрением приходило ощущение собственного тела. Правда, сознание пока еще было вялым, но и оно потихоньку приходило в себя.

«Значит, газ был нервнопаралитическим...» – было первой моей мыслью, как будто в данный момент было больше не о чем думать.

Перед моим взором открылась странная картина. На потолке сферической формы каким-то непостижимым образом были прикреплены все члены моей команды. Вокруг них бродили бесформенные тела зельцев. Я даже не удивился, что зельцы могут ходить по потолку (точнее не ходить, а перекатываться). Меня даже не интересовало, откуда зельцы смогли взять этот самый потолок и вообще помещение подобного рода. По оперативным данным нашей разведки, просто не могло существовать таких помещений.

На Келсе не было городов и поселков. Нам землянам всегда было удивительно – где живут зельцы, если они даже не строили домов? Теперь, мне кажется, я нашел ответ на этот вопрос. Они жили в недрах планеты!

Сознание, точно так же, как и тело, пребывало в вялом и расслабленном состоянии. Поэтому я лениво наблюдал за

происходящим и молчал. Молчал не оттого, что мне нечего было говорить, а от того что мне было лень вообще что-либо говорить. «Я, Серж Дюрон, командир штурмового отряда межгалактического масштаба», – зачем-то подумал я.

– Серж, каким образом тебя прикрепили к потолку?

А я-то думал, что это они на потолке, а на самом деле – это я смотрю на них сверху... Я не чувствовал обычного планетного притяжения, создавалось впечатление что я находился в невесомости...

– Серж, ты почему молчишь? Или на тебя действует этот чертов «паралитик»? – говорил все тот же знакомый голос, но я никак не мог определить, чей именно.

– Думаю, – наконец-то сказал я и понял, что не узнаю собственный голос.

«Что же они со мной сделали? – мелькнуло в голове. – Нет, они это сделали со всеми нами!» Я так и не понял – кто со мной говорит. Все мои подчиненные выглядели жизнерадостными и явно не желали со мной разговаривать.

«Дюрон, ты сошел с ума!» – сказал я сам себе, но этим не ограничился. Я начал рассматривать каждого из них, вспоминая все их регалии, имена, клички...

Прямо передо мной находился обычный негр. Это был Эйс, в отряде его называли «шоколадом», на что он всегда злился. «Этот негр всегда был хорошим бойцом! – подумал я. – Почему был? Если он есть...» Эйс лежал или висел (с этим я еще не разобрался) и улыбался – он всегда улыбает-

ся в сложных ситуациях. Удивительно, но я думал о чем-то постороннем, а не о спасении...

«Должен быть еще один негр», – неожиданно возникло в голове. И самое удивительное – я был уверен, что не ошибаюсь, и при тщательном рассмотрении пространства я в этом убедился. В нескольких метрах слева я нашел второго негра. Это был Люис.

Люис был молчаливым, и поэтому не удивительно, что я о нем забыл. Более того – он всегда держался особняком. Я провел взглядом по помещению, и прежде чем увидел Люиса, встретился взглядом с Адамом и Александром. Все трое висели надо мной (или я над ними) и были увлечены общением с зельцами. Да-да, именно увлечены, потому что по-другому их выражения лиц назвать было нельзя.

– Что-то ты очень задумчив, командир, – опять проговорил голос, который я так и не смог узнать.

Я решил не отвлекаться на этот голос и продолжал рассматривать помещение, пытаясь понять странные действия зельцев, при этом ища своих друзей.

Следующий, кого я обнаружил, был Генри. Будучи от природы авантюристом он о чем-то любезничал с зельцами. Наверное, он уже что-то задумал, потому что по-иному его поведение объяснить было нельзя. Я точно знал, что Генри ненавидит этих зеленых созданий, потому что в этой дурацкой войне погиб его брат...

Поблизости с Генри находился Василий – мужчина с бога-

тырской силой, но низким интеллектом. Может быть, именно поэтому его персоне не привлекала внимания зельцев. Он был один, и его постоянно глупое лицо выражало озадаченность. Я даже не удивился, что он одинок и среди зельцев. Василий был хорошим исполнителем, но плохим собеседником.

Тем временем я продолжал ворочать голову дальше. Таким образом, я обнаружил Эльзу. Насладиться темной кожей мулатки я не успел – в очередной раз меня отвлек, показавшийся издевательским голос:

– Ты зачем отвернулся, командир? Не хочешь со мной разговаривать?

Разговаривать я на самом деле не хотел, но любопытство взяло свое. Мне было жутко интересно – кто же со мной разговаривает, поэтому я резко повернул голову. От этого движения у меня разболелась голова, но я этого почти не заметил, потому что лицом к лицу столкнулся с зельцем.

– О, черт!!! – рявкнул я, и тут же подумал: «Неужели я схожу с ума, раз уж со мной даже зельцы разговаривают...».

– Это не черт, это – зельц, – продолжал насмехаться надо мной ехидный голос.

Впервые, за то время как этот неузнаваемый голос возник, я с облегчением вздохнул. А то чуть было не подумал, что зельцы со мной начали разговаривать, чего, как я думал, никогда произойти не может. Этот огромный зеленый зельц что-то поблизости делал, и эти действия были похожи на те

же, что я уже видел, когда рассматривал свою команду... Его действия, состояли из постепенных, плавных изменений тела. Но при всем том, кардинально тело не изменялось – просто на круглом теле зельцев, то возникали, то исчезали выпуклости. При этом ко мне они не прикасались.

К слову о команде...

Часть своих подчиненных я уже увидел, и это зрелище не было для меня радостным. Остальных же воинов команды я рассмотреть так и не смог, потому что остальную картину обзора закрывал этот чертовый огромный зельц.

Зато теперь я имел возможность рассмотреть зельца вблизи. Как мне показалось, это было огромное зеленое пятно плоской, а не объемной формы. Я автоматически перевел взгляд на остальных зельцев. Они были объемными, а мой зельц был плоским. В мое сознание нагло начала закрадываться мысль о сумасшествии, или о зрительных галлюцинациях. «Ведь не могут быть зельцы плоскими, – настойчиво вместе с пульсом стучало в висках, и тут же противоречило с бурным дыханием легких. – Почему, же не может? Ведь люди тоже бывают худыми и толстыми, низкими и высокими? Но ведь эти твари не люди, и даже не гуманоиды!!!»

– Эй, командир! Будь осторожен!! К тебе начинают подкрадываться все зельцы этой планеты!!

До этого ехидный и смеющийся надо мной голос стал серьезным и на самом деле предупреждающим. Я оглянулся вокруг и понял, что на самом деле в помещении началось

оживление – все видимые мне зельцы бросили свои дела и направились ко мне. Мне это начинало не нравиться.

Осознание, что я вишу на потолке, пришло не сразу. До этого я искренне был уверен, что на потолке висят все остальные, но не я. Теперь в этом не было сомнения – зельцы поднимались ко мне снизу. А еще мгновением позже я понял, что в этом помещении нет ни верха, ни низа – здесь была невесомость! «Тогда возникает вопрос – чем мы здесь дышим?» – успел подумать я, но ответа так и не получил. Зельцы приближались и, возникающие на их телах выпуклости стали более отчетливыми. И вся деформация их тела стала более интенсивной. Сознание начало покидать меня, так же, как и тогда, когда я начал спускать свой отряд в эту чертовую пещеру.

Неожиданно, уже затуманенным сознанием я понял, что все это время со мной разговаривал Антон, мой верный помощник...

Черные кристаллики зрачков буравили меня насквозь.

Черно-белые глаза были слишком велики, что бы я мог узнать их владельца. Но я все равно был уверен, что знаком с хозяином этих глаз. От пристального взгляда по всему сознанию пробежали мурашки. Да-да именно по всему сознанию бежали мурашки, оставляя после себя неизгладимые впечатления.

Затем глаза начали удаляться, и я наконец-то смог разгля-

деть наличие бровей, переносицы и самого носа. Но всего лица я так и не увидел. Владелец этих глаз продолжал смотреть на меня, оставаясь при этом не узнанным.

А почему это, собственно, я должен его узнать? Может быть потому, что от этого пристального взгляда мне было хорошо и приятно? А может быть потому, что где-то в глубине собственного сознания я все же понимал, что раз уж я вижу эти глаза, то значит, я их знаю, или знал когда-то...

Неожиданно я вспомнил, что в прошлый раз (О, черт! — оказывается, был и прошлый раз!) эти глаза показались мне знакомыми. Я просто не мог вспомнить их владельца.

Всматриваясь в появившиеся брови и нос, я упорно пытался понять откуда мне известны эти черты лица. Но память подводила меня, и это, почему-то, внушало уверенность в том, что я знаком с обладателем всего лица.

Как жаль, что я так и не смог заставить себя вспомнить того, кому принадлежали глаза, брови и первое очертание носа. Если бы я смог вспомнить все раньше, то многого могло бы и не быть. Но я не сожалею о том, что произошло со мной в течение всей моей жизни. Если бы я все же узнал эти глаза или хотя бы понял, что со мной происходит, то смог бы избежать многих ошибок. Хотя... все будет так, как и должно быть.

И я вновь сожалел, что глаза, тонкие брови и переносица исчезают в темноте моего сознания...

Шум... Грохот... Трескотня...

Я начал медленно открывать глаза. Тяжесть в веках и головная боль не давали мне сосредоточиться на происходящем. Усилием воли я все же заставил себя осмотреться вокруг и попробовать понять, что же происходит.

Вокруг меня летали боевые катера землян.

Я удивленно смотрел на происходящее и никак не мог понять на самом ли это деле или все это только очередной сон. Целая эскадра боевых машин системы БИ-387 жесточайшим образом расстреливала окружавших меня зельцев. А эти удивительные существа и не думали сопротивляться. Они взрывались как мыльные пузыри, растворяя свои тела в воздушной атмосфере Келсе.

Единственное, что я понял сразу это то, что я до сих пор нахожусь на Келсе и почему-то на поверхности, и вроде как свободен. Попытался напрячь память, но ничего не вышло – никаких воспоминаний не было. Ладно, как я оказался на поверхности, покинув подземелье, я как-нибудь выясню позже, если останусь жив...

Я попытался подняться. И это получилось с такой легкостью, что у меня от этого движения закружилась голова, и чуть не стошнило. Но на ногах я все же удержался. Постояв немного, сила вновь вернулась ко мне. Вместе с силами во

мне появилась неистовая ярость. Я готов был крушить все, что попадалось мне под руки. И я крушил всех близ находящихся зельцев. Так я впервые вышел на схватку с зельцами врукопашную.

Их тела оказались мягкими и воздушными. Все же не зря у меня возникала ассоциация с мыльными пузырями... Я продолжал яростно крушить зельцев, удивляясь, как легко они распадаются, превращаясь в пыль. И еще меня удивило, что они не сопротивляются. Более того – они даже не пытались убежать. Эти странные существа подставляли свои тела под удар, казалось, не задумываясь о предстоящей смерти...

Неожиданно тела зельцев разбросало в стороны. Это прошелся очень низко к поверхности один из серебристых истребителей БИ-387. По диковинному узору в виде замысловатых линий, похожих на модную татуировку, вдоль всего фюзеляжа я узнал истребитель Фалька. С эти отчаянным парнем мы вместе учились в военно-космическом училище. Он стал командиром военно-космической эскадрильи истребителей, я же командиром штурмового отряда, но, в отличие от многих сокурсников, ушедших в другие подразделения, наши взаимоотношения оставались дружескими.

Истребитель Фалька сделал вираж и вновь направился ко мне. Зельцы вновь разлетелись в стороны. Разрисованный БИ аккуратно приземлился в сотне метров от меня. Я не стал долго размышлять, зачем он сделал этот маневр, было и так понятно – он собирается подобрать меня. Еще неокрепшими

ногами я начал быстро двигаться к истребителю. Краем сознания я отметил, что зельцы не пытаются меня остановить или хотя бы как-то преградить мне путь. Я быстро преодолел эту стометровку и вскарабкался в открытую дверцу истребителя.

– Я рад тебя видеть! – крикнул Фальк и начал подъем своего истребителя.

– Я тоже рад! – проорал я, но мои слова потонули в шуме стреляющих орудий.

Фальк сделал еще несколько петель, расстреливая зельцев, и направил свой истребитель в космическое пространство Келса. В иллюминатор я заметил, что остальные истребители последовали примеру своего командира. Как только мы отлетели на приличное расстояние от происходившего сражения, Фальк повернулся ко мне в пол-оборота и спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально...

Я на самом деле чувствовал себя на много лучше, чем, после того как пришел в себя, но слабость все же присутствовала. Я с облегчением оперся на спинку сиденья предназначенного для запасного пилота. У всех истребителей межгалактического масштаба существовал запасной пилот на случай гибели первого. У Фалька тоже должен был быть запасной пилот, и я не знаю, почему его не было.

– Я знал, что с тобой все будет в порядке, – продолжал го-

ворить мой друг. – Ели выбил разведывательный полет ради твоих поисков!

– Но ведь этим должны заниматься разведчики, – машинально заметил я.

– Вот-вот, они мне тоже говорили! А я им говорю, что если ты в плену, то разведчики тебе ничем не помогут! Короче – они со мной согласились!!!

Под словом «они» Фальк подразумевал Военный Космический Совет. Я прекрасно понимал, как сложно у них взять подобное разрешение. Теперь я был бесконечно благодарен Фальку за его настойчивость.

– Спасибо, – это все что я смог сказать ему за оказанную помощь.

– Не за что? Как ты вообще выжил? Ведь еще никто не выбирался живым из плена зельцев.

Я это знал, но никак ответить на этот вопрос не мог. Если честно, то я-то же уже начал удивляться своему спасению. Получалось, что зельцы специально выпустили меня инсценировав это сражение. Но не говорить же это Фальку, хоть он и друг – в военное время такое не одобряется.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Если честно, то мне показалось, что зельцы вели себя как-то странно...

– Это, наверное, безумно интересно, но лучше подумай, что ты будешь докладывать. Нашему командованию наверняка будет интересно, как у тебя получилось выбраться из плена...

– Благодаря тебе, – неуверенно сказал я.

– Да ладно тебе...

Фальк прав. Нужно подумать и очень подробно описать свое пленение, иначе Военный Космический Совет мне не поверит. Я поймал себя на мысли, что пытаюсь придумать объяснение случившемуся, а не найти логическое тому объяснение. Откинувшись на спинку кресла, я постарался сосредоточиться и объяснить хотя бы самому себе что же все-таки произошло. Старания были напрасны – помешал Фальк.

– Если устал, отдохни, – вклинился в мои размышления Фальк. – Нам еще целый час лету!

– Угу...

Теперь я был предоставлен сам себе. Приятно было чувствовать себя защищенным, но хмурые мысли не давали покоя. Создавалось впечатление, что зельцы специально даровали мне свободу. А если это понимаю я, то это могут понять и в управлении. Для того, чтобы объяснить ИМ это, необходимо самому во всем разобраться. А я-то как раз ничего не понимал, или, если быть честным, отказывался понимать. А если меня заподозрят в предательстве, то без штрафбата не обойтись. Значит необходимо, что-то придумать...

И потом, где моя команда? Где мой отряд?! И почему зельцы решили отпустить именно меня? Чем же, интересно, я им понравился?.. Эх, вопросы, вопросы, а где же ответы?

В общем, лучше всего рассказывать все как было на самом

деле, а там, гляди, и сам все поймешь. Эта мысль меня временно успокоила. Теперь я мог расслабиться и даже вздремнуть. Что бы я и сделал...

– Ты уже спишь или еще нет? – так и не дал мне поспать Фальк.

– Еще нет.

– Я тебя разбудил? Тогда извини. Мне вот что интересно, как ты опытный вояка мог вообще попасть в плен?

Сон улетучился окончательно. А Фальку-то, зачем все это надо? Хотя вопрос, поставленный им, был интересен. На самом деле, как? Я наемник, боевик, в прошлом командир штурмового отряда смог попасть в плен? А если быть точным как мой отряд оказался один без прикрытия с воздуха или земли? Вопросы стройными колонами шли мне в голову. Кому, черт возьми, пришлось в голову оставить меня без подкрепления? Ведь то что мы делали не было разведкой – это была совершенно другая акция. Неужели кем-то из командования с самого начало было запланировано наше пленение? Зачем и кому это было нужно? Черт возьми, я изначально вел свой отряд в западню!

Мое сознание начало быстро анализировать не столь далекое прошлое.

Полковник Гленкен вызвал меня к себе в центр управления военными действиями на Келсе. Он что-то очень долго говорил о том, какие зельцы отвратительные существа, и что пора уже заканчивать операцию по колонизации этой плане-

ты. Речи были как всегда пламенными и высоконравственными. А затем он поставил передо мной задачу... Какова же была моя задача? Что должен был сделать мой отряд на Келсе? Я не мог этого забыть! Этого забывать нельзя! И зачем я только тогда согласился?!

Я напряг все извилины своего мозга. Так интенсивно мое сознание не работало уже давно. По-видимому, сработал инстинкт самосохранения. И я вспомнил, вспомнил все дословно!

– Вашему отряду необходимо отвлечь на себя внимание зельцев, – сурово сообщил Гленкен. – Разведчики сообщили, что в западном районе от озер Бхат имеется огромная концентрация зельцев! Мы нанесем здесь направленный удар.

– Вы отправляете нас на верную гибель! – вспыхнул я.

– Не беспокойтесь мы, максимально обеспечим ваше прикрытие с воздуха! Ваша задача привлечь к себе внимание! А наша задача разбить основное логово зельцев! Мы наполним атмосферу в этом районе нашими бомбардировщиками!

– При этом Вы без зазрения совести отправляете на верную смерть мой отряд?! Ваши бомбардировщики сотрут не только значительную часть поверхности планеты Келсе вместе с зельцами, но и мой отряд вместе со мной!

– Если Вы отказываетесь, я за эту же сумму найду других наемников! – отрезал Гленкен.

Ну почему, как только речь заходит о деньгах, все сразу

же идут на попятную. Я-то же был из таких людей. Тем более мой отряд существенно нуждался в финансовой поддержке.

– Хорошо Гленкен, – нехотя согласился я. – Мне нужна гарантия, что прикрытие все же обеспечат! Потому, что Ваши слова не вселяют в меня уверенность...

– Я обещаю Вам, Серж Дюрон, что сделаю все возможное, чтобы прикрыть ваш отряд...

И я поверил ему, а зря...

Теперь, когда картина происшедшего возобновилась в моей памяти, я понимал, что верить ему было нельзя. Но, как говорится – после боя кулаками не машут! Ерундовая поговорка! Машут! Еще и как машут! Ох, поймаю я Гленке, да так прижму его в темном углу!

– Эй, Серж, ты не спишь? – вновь вернул меня к действительности голос Фалька.

– Нет, – пробурчал я.

Теперь я был благодарен ему в двойне. Первое – за спасение на Келсе, второе – за удачную подсказку.

– Мы уже прибыли! – продолжал Фальк. – Через пять минут приземлимся...

Я знал, что слово «приземлимся» пилотами употребляется по старой земной привычке. На самом деле это была обычная посадка, или стыковка, или вход в ангар. Сейчас «приземляются» только пассажирские или грузовые корабли, держащие курс на Землю, ведь только там сохранились

настоящие космодромы и аэропорты...

Фальк замолчал. Он был занят сложным маневрированием среди бесчисленных каналов и туннелей космической станции. Я не мешал ему. В таких делах отвлекаться нельзя! Я внимательно и с какой-то неопишуемой жадностью смотрел на экраны обзора. Военно-космические специалисты постарались сделать экраны наружного обзора по круговой, поэтому создавалось впечатление, что смотришь не на экран, а в иллюминатор. Космические истребители специально делались без иллюминаторов в том смысле слова в котором мы привыкли это принимать. Не одно высокопрочное стекло не могло выдержать тех нагрузок, которые испытывают космические истребители. Поэтому конструкторами были установлены специальные маленькие видеокамеры с высокопрочной небьющейся оптикой. Общий объем такого стекла очень мал, потому огромные нагрузки ему не страшны.

Я смотрел в иллюминаторы-экраны и любовался огромной космической станцией, созданной человеческими руками. Я плохо знал о тех временах, когда началось освоение планет, но я точно знал, что подобные космические города (а по-другому эту стацию назвать было нельзя, потому что она вмещала в себя 900 тысяч человек со всеми необходимыми коммуникациями, для обслуживания и проживания людей) начали возникать в период колонизации планет. Я плохо знаю историю, но о катастрофе на Земле знают все. Если честно, то я никогда не задумывался над тем, что же именно

произошло, и почему часть земли стала непригодна для проживания людей, но я знаю, что именно с этого момента начала действовать не забываемая акция по освоению космического пространства... Хотя ходят слухи, что на той части Земли, которая якобы не пригодна для жизни людей, люди все-таки живут.

Наш истребитель осторожно вошел в бункер для военных кораблей. Вслед за нами стройным клином влетели остальные истребители. Как только все истребители приземлились на посадочную полосу бункера – огромные задвижные ворота за нами закрылись. Теперь необходимо было ждать, когда специальные машины проведут химическую обработку всех влетевших истребителей, техническое оборудование успешно закончит герметизацию и все пространство бункера наполнится кислородом... Со всех уголков посыплется обслуживающий персонал и над каждым истребителем закипит работа.

– Все теперь мы дома! – констатировал факт Фальк.

– Ты что здесь родился? – неожиданно спросил я.

– Нет, – Фальк понял мой вопрос. – Я родился на матушке Земле! Но я уже так привык к Звездной Станции, что называю ее домом...

На Звездной Станции почти не было постоянных жителей. Здесь каждый год обновляется и меняется «население». Именно поэтому Звездную станцию не было принято называть домом. Ее все чаще называли пересылкой.

– По Земле не скучаешь? – я удивлялся сам себе, что меня в сложившейся ситуации интересуют такие вопросы.

– Меня забрали родители в Лунную Колонию когда мне было 11 лет. С тех пор я не разу не был на Земле, поэтому-то никакой, так называемой, ностальгии я не испытываю. А почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Да, так... Хочу отвлечься, – нашел я хоть какое-то объяснение своему непонятному любопытству.

– Да разве же это тема, чтобы отвлечься? Давай лучше поговорим о женщинах – вот, что на самом деле расслабляет и отвлекает!

– Да, конечно поговорим, только в следующий раз.

Я видел, что на обзорных экранах-иллюминаторах появился обслуживающий персонал боевых машин, а это означало, что можно покидать кабину истребителя. Вместе с обслуживающим персоналом к нашему истребителю направилась небольшая делегация в военной форме.

– Это за мной? – наивно спросил я, хотя был уверен в положительном ответе.

– Извини, – голос Фалька стал печальным. – Я обязан был доложить о ходе операции...

– Не вопрос... Я тебя прекрасно понимаю, – тем не менее, слабая обида кольнула прямо в сердце.

Если честно, я надеялся, что у меня еще будет время побыть одному без вмешательства службы безопасности. Я ошибался. Что-то я в последнее время очень часто ошиба-

юсь... Не к добру все это!

– Ни пуха, ни пера! – неожиданно сказал Фальк, когда я направился к люку выхода.

– Да пошел ты! – огрызнулся я, сразу же чуть помягче добавил: – К черту!

Хоть мы уже давно и не жили на Земле, но земные привычки так и остались с нами на космических станциях, исследовательских кораблях, боевых истребителях... Привычка – вторая натура, и никак от нее не избавиться.

Я еще не успел стать на металлический пол ангар, как группа военных уже была рядом со мной. Они молча дожидались, когда я выйду из боевого истребителя, и сразу взяли меня в кольцо.

– Серж Дюрон? – поинтересовался молодой человек с нашивками капитана внутренней безопасности.

– Так точно! – отрекомендовался я.

– Вы задержаны до выяснения обстоятельств!

Молодой капитан умышлено сказал «задержаны». Хоть он и молод все равно – он молодец! Если бы он сказал «арестован», то выслушал бы множество реплик и ругательств... Хотя... Все равно это бы ничего не дало.

– Слушаюсь! – бодро ответил я, чем удивил весь отряд, сопровождавший капитана.

А что мне оставалось делать? Бежать, и потом всю жизнь скрываться в вентиляционных и очистительных каналах станции, как это делает большинство преступников? Нет!

Это не для меня! Да и сбежать, если честно, возможности не было никакой.

Конвоируемый с четырех сторон охранниками, я старался идти с ними в ногу, ведь они прям маршировали! Мы проследовали через весь военный ангар к лифту. Это был административный лифт, которым имеют право пользоваться только люди со специальными полномочиями. Но я знал, что к главнокомандующему меня не поведут. В начале будет допрос, затем мой электронный отчет, затем операция на псилографе, только тогда, может быть, к главнокомандующему...

– Я могу вначале увидеть полковника Гленке? – поинтересовался я пока мы не вошли в лифт.

– Не положено! – коротко отрезал капитан.

Я и сам знал, что не положено, но попытаться было надо.

– Я имею право вызвать своего адвоката? – вновь поинтересовался я, надеясь, что вопрос мог показать меру серьезности моего положения.

На этот раз капитан промолчал. Сопровождавшая меня охрана тоже молчала. По-видимому, им было запрещено общаться со мной. И я прекратил свои провокационные вопросы. Да и не было у меня адвоката...

Дальше все было как в старом черно-белом кино, которое нам еще курсантам показывали в военно-космическом училище. Административный лифт поднял нас на пятый этаж сектора РІ-43. Мы прошли по узкому коридору к двери №17.

Я смутно догадывался, что что-то идет не так, как должно идти. Окончательно мои подозрения подтвердились, когда дверь №17 открылась, и я увидел аппарат психолографа. Мои сопровождающие действовали не по привычной схеме! Меня почему-то сразу привели на проверку моего мозга, минуя допросы и отчеты! Это начинало тревожить...

– Кто меня будет допрашивать? – на всякий случай спросил я, хотя я все равно не знал никого из службы внутренней безопасности.

Мой вопрос проигнорировали, скомандовав:

– Остановились!

Мой «эскорт» остановился. Я тоже встал как вкопанный – пререкаться не имело смысла. По привычке окинул помещение взглядом и понял, что бежать получится только через двери, в которые мы вошли. Но в настоящий момент побег не имел смысла. Во-первых, мне не хотелось добавлять подозрений на мой счет, а во-вторых, сейчас меня окружали хорошо обученные охранному и конвойному делу люди.

Нам навстречу вышел молодой человек в белом комбинезоне. Такая одежда обычно была у врачей. Да и кто еще может обслуживать психолограф, как не врачи? Психолограф это специальное оборудование, которое было придумано слишком давно, что бы я помнил, когда именно. Где-то я слышал, что психолограф был изобретен для лечения различных психических заболеваний, но единственное я знал точно, что с тех незапамятных времен эта машина постоянно совершенство-

валась и теперь была предназначена не только для лечения психически больных людей, но и как машина пыток. Точнее сказать это был своеобразный тест на правдивость. Клиента усаживали в специальное кресло, на голову надевался шлем, и фактически вся информация из головного мозга скачивалась в компьютер. Теперь пройти эту процедуру предстоит мне.

– Здравствуйте Серж Дюрон, – мило улыбнулся человек в белом комбинезоне. – Вам когда-нибудь приходилось проходить процедуру на психолографе?

– Здравствуйте, – я постарался выдавить из себя не менее милую улыбку. – Никогда не имел такой чести, но много об этом слышал. И не могу сказать, что эти слухи лестные.

– Ничего страшного в этом нет, – продолжал человек в белом комбинезоне, из чего я сделал вывод, что он является не лаборантом, как я подумал в начале, а врачом. – Это совершенно безвредно...

– Хотелось бы в это верить, – пробурчал я.

– Прошу Вас, присаживайтесь в кресло. Расслабьтесь. Постарайтесь ни о чем не думать...

– А как насчет конфиденциальности полученной информации? – на всякий случай решил спросить я.

Лицо капитана напряглось. Он внимательно смотрел на врача, и явно не ожидал от меня такой разговорчивости.

Я понимал, что сейчас они узнают обо мне все – от моего рождения, до настоящего момента. Им будет известно все во

всей моей эмоциональной красе о моей первой любви, обиде и даже первом сексуальном опыте...

– На Вашем месте я бы об этом не думал, – мягко продолжал врач.

И я с ним был согласен, поэтому промолчал.

– Ну, что же Вы стоите, Серж Дюрон? – голос врача стал слегка настойчивым. – Присаживайтесь в кресло!

Дальше сопротивляться не было смысла, и я направился к креслу психолога, пока не усадили туда насильно. Я молча сел в мягкое, удобное кресло и положил руки на подлокотники. На моих запястьях сразу же защелкнулись широкие браслеты, прижимая тем самым мои руки к креслу. О таких браслетах я и не подозревал.

– Это на всякий случай, – улыбнулся врач. – А случаи, как известно разные бывают...

Он, наверно, думал, что хорошо пошутил.

Что-то мне не нравятся его шутки, но с этим я уже ничего не могу поделать.

Дальше врач начал действовать молча и сосредоточено. К моему телу крепятся присоски с электродами. На голову одевается мягкий, но плотный шлем.

Врач исчезает с моего поля зрения. Я знаю – у меня за спиной находится компьютер и монитор, на котором врач с капитаном увидят всю историю моей жизни... Интересно, а они увидят мое раннее детство, которое я, естественно, не помню, да и не могу помнить?!

– Странно, но комп отказывается работать, – бормочет себе под нос врач, но я его слышу.

Я не смог сдержаться.

– По клавиатуре меньше стучать надо!

– У Вас доисторические понятия о технике, господин наемник, – мягким голосом за моей спиной отзывается врач. – В настоящее время уже никто не пользуется клавиатурой. Все давным-давно перешли на экранную тактильную клавиатуру, а по ней стучать не надо... О! Заработало!

Что-то не приятно зажужжало в шлеме. Но это уже меня не интересовало. Меня интересовало другое. Откуда, черт возьми, я знаю о какой-то компьютерной клавиатуре, если никогда не имел никакого отношения к этим загадочным аппаратам? Впервые в жизни, да еще в столь неподходящий момент я что-то вспомнил и то не впопад.

Сосредоточиться на этом вопросе я так и не смог. Жужжание в шлеме усилилось. Кресло подо мной стало необычно теплым. Сознание маленькими искорками в глазах начало покидать меня.

Черные зрачки глаз смотрели на меня в упор. Я не люблю, когда на меня так смотрят. Я никогда не любил столь пристального взгляда. Попытка отвести глаза в сторону ни к чему не привела. Пришлось рассматривать приятное лицо девушки...

Значит, эти глаза с пронизывающим взглядом принадле-

жат девушке?!

Приятное лицо с небольшим носиком, маленькими, пухлыми губками и черными глазами, казалось мне знакомым. Раньше я не видел всего лица, но откуда же я мог знать, что знаком с девушкой?

Раньше? Так значит это не в первый раз? Что со мной происходит? Откуда на меня смотрит это до боли знакомое лицо? Почему я не вижу всего тела? И почему я не могу вспомнить эту девушку?

Одни вопросы, и не одного ответа! Так бывает всегда... По щекам девушки начали медленно стекать капли... Может быть, она плачет? Смотрит на меня своими черными завораживающими глазами и плачет...

Хотя нет, точно такие же капли видны и на лбу, и на щеках, и на губах. Девушка стоит под дождем и смотрит на меня! Странно, что же ей от меня надо.

Я точно уверен, что она что-то мне хочет сказать. Ее губы шевелятся. Я прислушиваюсь. Но ничего не слышу. А должен ли я что-то слышать? Я всматриваюсь в губы. Пухленькие губы, что-то шепчут. Я знаю, что обращаются ко мне. Я уверен, что для меня эта информация жизненно важная... Но я все равно ничего не слышу.

Капли становятся больше. Они начинают двигаться быстрее. Их становится много. Но откуда-то я знаю, что это не дождь. Это просто капли, которые отделяют меня от этой девушки. А только ли капли?

Черт возьми! Я еще знаю, что это капли не водяные! Тогда из чего же они? Из чего-то очень знакомого, но это не вода!

За обилием падающей сверху жидкости лицо девушки становится плохо различимым. Вскоре я не могу видеть ни глаз, ни губ, ни носа... Лицо исчезает. Перед моими глазами сплошной поток воды... жидкости...

4

– Черт возьми, что случилось с оборудованием?!

Это был голос врача. Он был нервный и раздраженный.

Вместе с блестящими искорками у меня в глазах ко мне возвращалось сознание.

– А что случилось?

Это уже спрашивал лейтенант. На самом деле он не проявлял интереса, голос прозвучал обыденно.

Я начал ощущать свое тело, а не только звуки и голоса, открыл глаза. Передо мной была белая стена кабинета.

– Не знаю, – голос врача стал злым.

Вопрос лейтенанта окончательно разозлил врача.

– Нужно повторить, – как-то зловеще сказал врач.

– Если нужно, то повторяйте, – безразлично согласился лейтенант.

– Сразу нельзя. Нужно минут двадцать подождать.

Я молчал, в надежде, что мои мучители этого не заметят. Но я ошибался. В поле моего зрения появился врач.

– Как Вы себя чувствуете? – натянуто, но любезно спросил врач.

– Плохо! – резко ответил я, хотя, если честно, чувствовал себя на много лучше, чем в момент появления в этой комнате. Было такое ощущение, что за это время я выспался и отдохнул.

– Скажите, как Вам это удастся? – от любезности в голосе врача не осталась и намека.

– Что именно? – искренне удивился я.

– Блокировать свой мозг от псимографа! – выпалил Врач.

Вот это да! Такого я не ожидал. Если честно, то я даже и не предполагал, что могу блокировать свое сознание от воздействия псимографа, но я ничего не сказал по этому поводу, а, сделав серьезное лицо, сообщил:

– Долгие годы упорных тренировок!

– Вот как?! – удивился мужчина в белом комбинезоне. – Но вы же говорили, что никогда не проходили операций на псимографе!

– Я пошутил!

Я не стал вдаваться в подробности, что на счет чего именно я пошутил. Врач по-видимому понял мой ответ по-своему.

– Черт бы побрал этих наемников! – выругался он и отправился к компьютеру.

Он, наверно, не знал, что я в прошлом офицер штурмового отряда.

– Если я могу быть свободным, может быть, вы освободите место на аппарате для кого-нибудь другого? – осторожно поинтересовался я.

В поле зрения появился молчавший до этого лейтенант.

– Нет! – категорически заявил он.

– Почему? – мне почему-то становилось весело. – Я же могу нечаянно сломать этот аппарат!

Лейтенант удивленно посмотрел на меня и вновь скрылся за моей спиной.

– Ничего не случится, – сразу же констатировал врач. – Он блефует!

Это означало, что они все-таки собираются провести операцию повторно! Это мне уже не нравилось.

– Эй, господа, хорошие! – завопил я. – Вы же знаете, что повторные операции такого рода запрещены!

– Я же говорил, что он блефует! – как-то радостно вскрикну врач. – А мы ни кому, ничего не скажем!

Это был не врач – это был палач! Врачи не могут так даже думать! Или у меня идеализированное мнение о врачах?

За спиной радостно засмеялись. И этот смех не предвещал ничего хорошего. Последняя фраза явно предназначалась мне. Я заорал еще громче:

– Вы не имеете права! Я буду жаловаться!!!

Естественно я не ожидал, что это поможет. Просто так принято – когда что-то не нравится кричать именно это. Да и жаловаться, если честно, было бессмысленно и не кому.

– А сдаваться в плен зельцам ты имел право?! – неожиданно злобно зарычал лейтенант у меня за спиной.

Я промолчал. Таким фанатикам ничего не докажешь – я в этом был уверен. Они же не знают что такое война! Они предназначены для тыла! Крысы тыловые!

– Говори, они тебя завербовали?! – теперь лейтенант стоял передо мной и злобно смотрел мне в лицо. – Какое задание они тебе дали? Ты должен совершить диверсию? Или им нужны разведданные? А ну, колись сволочь!!

– Ты что лейтенант с ума сошел? – спокойно спросил я.

Такой ярости я не ожидал.

– Я с ума сошел?! Да ты сейчас у меня сдохнешь на этой машине! А ну запускай психолограф! – лейтенант в бешенстве исчез у меня за спиной.

– Помогите!!! – заорал я, хотя и знал, что это ни к чему не приведет.

Но помощь пришла неожиданно.

Я слышал, как отворилась дверь, и в помещение кто-то вошел. Мощные крепления шлема не позволяли мне увидеть вошедшего, но я решил, что может быть, это и есть мое спасение и поэтому вновь заорал:

– Помогите!!

– Что здесь происходит, черт возьми?!

Я сразу же узнал голос военного адвоката полковника Шорла. Однажды нам приходилось пересекаться в ходе военных действий на Гримсе.

– Мы подвергаем процедуре пси-диагностики предателя! – отрапортовал лейтенант.

– Не правда я не предатель!! – завопил я. – Мне срочно нужен адвокат! Господин полковник помогите мне!

Вскоре лицо полковника появилось в поле моего зрения.

– Серж Дюрон?

Этот вопрос мог означать только одно – полковник тоже меня узнал.

– Так точно! – браво ответил я.

– И что же здесь происходит?! – в очередной раз спросил Шорла.

Только на этот раз он обращался ко мне. Без дополнительных объяснений было ясно – это мой шанс!

– Господин полковник, мы действуем по приказу генерала Виллиса! – вновь вступил в разговор лейтенант. Он был уверен, что волшебное слово «Виллис» подействует.

Генерал Виллис – это страх и ужас всех солдат. Услышав это имя, у многих по спине бежали мурашки. В подчинении этого «черного генерала» была вся разведка и контрразведка. Говаривали, что он руководит всеми секретными планами, и вхож в главное управление как в свой дом. А некоторые говорили, что он Царь и Бог всего человечества! Врали, наверное.

– Я не с вами разговариваю, – отрезал полковник.

Его не пугало столь страшное имя генерала, и меня это порадовало.

– Говорите, наемник, что здесь происходит?

– Было бы неплохо, если бы меня освободили от пут пси-
лографа, – осторожно начал я.

– Освободите его! – тут же отреагировал полковник.

– Без особого разрешения генерала Виллиса я и не...

– Где голографон? – полковник не собирался выслушивать лейтенанта. Не чета он ему и все тут!

Лейтенант сразу смекнул, что лучше не сопротивляться старшему по званию, тем более из военной прокуратуры.

– Прошу Вас, – в разговор вступил врач, указывая, где находится голографон.

Полковник последовал за ним, оставив меня на псилографе. Я не видел, что там происходило, но внимательно вслушивался – все-таки сейчас решалась моя судьба.

– Здравия желаю, господин генерал, – это был голос полковника.

– Здравьте, – в голосе генерала была уверенность и наглость.

Голографон тем и хорош, что утаить от окружающих происходящее невозможно. Показывая голографическое изображение, аппарат воспроизводил не только звук, но и ту часть комнаты, где находился собеседник. Конечно, можно было затемнить экран, но это считается дурным тоном.

– Я хочу быть личным адвокатом Сержа Дюрона, – без лишних предисловий начал Шорла.

– Вот как? – по голосу генерала было понятно, что он ис-

кренне удивлен. – А вы знаете, что он является государственным преступником?

– Это не факт. Это еще доказать надо!

– Хорошо, подавайте официальное прошение, и мы его обязательно рассмотрим...

– Я обязательно оформлю все необходимые документы. А сейчас я бы просил перевести моего подзащитного в отдельную камеру, и без меня не подвергать ни каким допросам, тем более экзекуции на психологафе!

Наступила тишина. По-видимому, генерал обдумывал сказанное полковником. Было понятно – полковник Шерла неприятная неожиданность в их игре.

– Хорошо, – неожиданно спокойно сказал генерал Виллис. – Лейтенант, вы уже подвергли наемника исследованию на психологафе?

– Так точно! Но...

– С результатами ко мне! – тут же приказал генерал. – Дюрона перевести в камеру! И дайте ему возможность пообщаться с адвокатом.

– Я так же хотел ознакомиться с результатами исследований на психологафе, – начал, было, полковник, но Виллис прервал его:

– Обязательно ознакомитесь! Только после меня, – голос генерала стал уставшим. – Заметьте, полковник, я и так пошел на уступки, хотя мог бы этого не делать. И не просите от меня большего, чем я бы хотел сделать. Все, конец связи.

В комнате повисла тишина. Мое любопытство не имело границ – я очень хотел увидеть, как полковник и капитан смотрят друг другу в глаза, но крепежные приспособления психолога надежно удерживали мою голову в неподвижности. Интересно, а что в это время делал врач?

– Выполняйте приказание, лейтенант! – в голосе полковника была слышна ирония.

Ответа не последовало. Вместо ответа передо мной появилось лицо капитана, и крепления шлема ослабли. Я смог пошевелить головой. Затем, не спеша, отстегнули мои запястья, и я оказался свободен. Освобождал меня от пут врач, лейтенант внимательно следил за каждым моим движением. Ожидает он от меня чего-то, что ли?

Я встал и не спеша, осмотрел комнату. По-видимому, в моем взгляде отчетливо была видна победа над сложившейся ситуацией, потому что врач смущенно и испугано, отвел взгляд в сторону, а лейтенант вызывающе начал:

– Прошу следовать в камеру!

Я посмотрел на полковника. Тот утвердительно кивнул. На самом деле он сделал все, что мог. И уже только за это я был ему благодарен.

– Я надеюсь это ненадолго? – на всякий случай уточнил я.

– Будет видно, – успокаивающе сказал Шорла.

– Ведите! – я вновь повернулся к лейтенанту.

– Прошу! – он указал на стоящих у двери охранников.

И вновь наша молчаливая церемония во главе с лейтенан-

том начала двигаться по узкому коридору. Очередная комната моего заключения находилась не далеко – всего в нескольких шагах от комнаты, где находился психолог. На номер своей будущей камеры я не обратил никакого внимания. Да, собственно и не до номера было. Как только я вошел в эту комнату лейтенант мстительно сказал:

– Я надеюсь, мы очень скоро встретимся!

Я промолчал. Было и так понятно, что лейтенанту нравится играть роль палача, и ему все равно кто будет жертвой. Другое дело – меня не устраивала роль жертвы!

– Можете надеяться на все, что угодно, – спустя полминуты сухо ответил я, – но я, почему-то, уверен, что на этом наши пути расходятся.

Лейтенант фыркнул, но промолчал. Как только за ним закрылась дверь, я осмотрелся. Комната, в которой я находился, больше походила на одиночную камеру. В центре был металлический стол, закрепленный с таким расчетом, что бы его ни кто не смог сдвинуть. Стол был круглый с тупыми краями, наверное, чтобы исключить любую попытку само увечья. Сразу рядом со столом находился банальный лежак без постельного белья. Лежак был так же намертво прикручен к полу и стене. По-видимому, архитекторы этого заведения решили сэкономить на стульях, поэтому придвинули стол как можно ближе к лежаку.

Я сел на жесткую металлопластиковую поверхность лежака и задумался. Очень сильно не хотелось оставаться здесь

ночевать. Но делать нечего – придется временно с этим смириться. Или все же перед сном принесут постель? Нет, такие заведения не расположены к гуманному отношению к человеку, поэтому прогнав ненужные мысли, я занялся анализом происходящего.

Если мной заинтересовался сам генерал Виллис – это означало только одно: ничего хорошего. Генерал мелочью не занимается, а значит я для него рыба крупная. Чем же я интересен Виллису? Единственное утешало, что на моей стороне полковник Шорла. Но получится ли ему мне помочь, было еще не известно. Значит надо самому позаботиться о себе!

О побеге не могло быть и речи – только мыследеятельность и хорошо взвешенные высказывания. Знать бы, что генералу от меня нужно...

За дверью слышался ели слышный шорох. Что-то рановато они за мной возвращаются.

Дверь моей камеры открылась. Вошел полковник Шорла.
– У меня мало времени, поэтому давайте без лишних прелюдий перейдем к делу, – по-деловому начал полковник. – Я уже вкратце ознакомился с делом и точно знаю, что пока Вас наказывать не за что. Но никто не знает, какое обвинение может выдвинуть генерал Виллис, поэтому постарайтесь без утаивания рассказать все, что произошло с вами на Келсе.

– Что мне инкриминируют?

– Пособничество зельцам!

О, как! Не ожидал, что меня могут в этом заподозрить.

– Подумайте и расскажите всё! Слышите? Все! – настаивал полковник.

Я на минуту задумался. Сколько себя помню – у меня всегда была проблема с чего начать и чем закончить. Но, тем не менее, я начал с приказов полковника Гленке. Вкратце остановился на том, как мы блуждали по землям Келсе. И более подробно сообщил о плене – конечно, только то, что я смог вспомнить. Ведь, как оказалось, помнил я далеко не все.

Когда я замолчал, полковник Шорла грустно сообщил:

– Да, не густо. К сожалению, полковник Гленке исчез бесследно и вряд ли кто-то сможет подтвердить твоё назначение на выполнение этого задания...

– То есть, как это исчез, – искренне удивился я. – Но ведь остались какие-то документы, голограммы....

– Может быть, и остались. Это я проверю. Значит так, раньше, чем через два дня тебя все равно не выпустят, поэтому постарайся отдохнуть. Если тебя будут допрашивать – без меня никому ничего не рассказывай. Помни – все, что ты скажешь, всегда может обернуться против тебя! И если что-то вспомнишь, обязательно поставь меня в известность. Ещё что-нибудь хочешь сказать?

– В принципе – нет, но, разве, что...

– Говори не стесняйся.

– Я проголодался, – это я поскромничал, потому что есть хотелось до спазмов в желудке. – Я не помню, что бы меня

кормили в плену, но и после плена меня никто не кормил.

– Хорошо, я распоряжусь, чтобы тебя покормили. Это все?

На самом деле этот вопрос хотел задать я с интонацией: «И это все?!!!», но так как задали его мне, я ответил:

– Хотелось бы поменьше здесь находиться...

– Я постараюсь, – резко ответил полковник. – До свидания!

Полковник ушел, и мне сразу же стало грустно и скучно. Мне почему-то подумалось, что адвокаты иногда сотрудничают со следователями, чтобы выведать у подсудимого как можно больше информации. Нет! Такие мысли нужно гнать поганой метлой – они расслабляют волю. Полковник Шорла не такой! Я вспомнил, как помог ему выбраться с планеты Фрис, когда там начались политические изменения в виде военного переворота. Тогда полковник выглядел честным человеком. Может быть, поэтому он решил мне помочь?

Я встал, прошелся из угла в угол, десяток раз отжался от пола, но мысли о тупиковом положении упорно продолжали лезть мне в голову.

От печальных мыслей меня отвлек какой-то шум. Это открылась транспорт-линия и мне выдали сосуды с едой. Это окончательно убедило меня в том, что Шорла на моей стороне. Душа и желудок возликовали!

После употребления искусственно синтезированной пи-

щи настроение мое улучшилось. Правда, не настолько, чтобы я был этим удовлетворен, но тем не менее. Вместе с насыщением появилось чувство усталости. Я лег на лежак, прогнал остаток гнусных мыслей и уснул...

Лицо девушки улыбалось, но глаза были почему-то грустными. Точнее сказать я догадывался, что это лицо улыбается. Губы мне были пока не видны, но каким-то образом я понимал, что девушка улыбается, не смотря на ее грустные глаза.

В своей жизни я видел много разных грустных, печальных, испуганных глаз, ведь я был наемником, и мне приходилось смотреть в глаза своих жертв. И сейчас я видел эти грустные глаза, тонкие линии бровей и короткую стрижку, все это должно было напоминать мне о тех военных действиях, в которых я побывал. Так где-то далеко говорило сознание, но в действительности я не думал, и не вспоминал не о чем. Я просто утопал в этих глазах. Это были не обычные глаза, знакомые глаза...

Шел дождь. Я отчетливо видел капли стекающие с волос. Маленькие ручейки текли по переносице и щекам...

Но почему же я не вижу губ? Мне что-то мешает?

Я этого не знаю. Но узнаю, обязательно узнаю! Я такой!

– Кто ты?

Вопрос звучит отовсюду. Звук заполняет все пространство, окружающее эту девушку. Я не сразу понял, что этот

вопрос задал я сам. Но понимание этого все-таки приходит ко мне. Хотя... как-то странно и долго приходит ко мне это понимание...

Девушка молчит. Ну, конечно же, она будет молчать, ведь у нее нет губ...

Точнее губы есть – я это знаю. Просто я их почему-то не вижу. Мне что-то мешает. Я не вижу этой преграды, но я знаю, что она существует...

А губы я видел в прошлый раз! Точно видел! И мне тогда ничего не мешало...

Сколько этих «прошлых разов» было?! Не помню...

– Кто ты?

Голос вновь отдается в ушах, охватывая при этом все мое тело. Теперь я точно знаю, что говорю я. Я пытаюсь сказать еще что-нибудь, но у меня это не получается... Я ощущаю себя рыбой, безмолвно открывающей рот...

Девушка улыбается одними глазами. Несмотря на то, что дождь мешает мне разглядеть все черты ее лица (оказывается – мне мешает дождь!) я понимаю, что девушка улыбается печальной улыбкой. Она моргает своими печальными глазами, которые еще что-то выражают, но этого я понять не могу. Она поворачивается ко мне спиной и начинает удаляться.

Я хочу ее остановить, но у меня это не получается. У меня не получалось даже двинуться с места, я как остолебенел!

Я вижу очертание фигуры девушки. Она обнажена, а фигура ее прекрасна... даже дождь не мешает мне рассмотреть

столь прекрасную фигуру.

Девушка продолжает уходить от меня и с каждым мгновением она это делает все быстрее и быстрее. Создается впечатление кинематографа, когда часть движений вырезано во время монтажа. И вот меня полностью поглощает темнота. Вокруг нет ни звука не даже пресловутого дождя. Одна сплошная темнота...

Я понимаю, что эта темнота называется НИЧТО!

5

Я просыпаюсь в холодном поту. Ноги и руки ватные, где-то глубоко в груди нерешительно скребется чувство страха. Давненько у меня не возникало такого чувства.

Я попытался вспомнить, что же вызвало во мне такие ощущения, но не получается. Я давно привык спать без снов – они отвлекают во время военных действий. Во время войны голова должна быть свежа, а сны не способствуют такой свежести.

Неожиданно заболела голова. Давненько она у меня не болела. Я попытался вспомнить – когда она вообще у меня болела. Не получилось...

Настроение было отвратительное. По-видимому, тюремные камеры не располагают к хорошему душевному состоянию. В голову лезли отвратительные мысли, граничащие с суицидом. И это при том, что я человек подготовленный, и я представляю, как легко сходят с ума люди не готовые к

тюрьме.

От всех этих печальных настроений меня отвлек шум в стене. Это прибыл синтезированный завтрак. Или обед? На этой металлической звезде всегда было сложно определить время. Может быть, именно поэтому в переходах висели огромные голографические часы. Я всегда здесь путался с определением времени суток. А здесь в камере ни тебе часов, ни тебе иллюминатора с видом на звезды... От этих мыслей неприятно заныло в груди.

Другое дело на планетах. Везде есть светило по привычному называемое солнцем, и как правило пара, тройка естественных спутников вроде земной Луны. Никогда не потеряешь чувства времени! И ничего страшного, что на каждой планете свое времяисчисление – люди давно уже создали общегалактическое время. И при желании всегда можно время любой планеты перевести в общегалактическое... Хотя многие продолжают пользоваться земным времяисчислением.

Настроение начало улучшаться. Толи – это синтетическая пища на меня так подействовала, то ли приятные размышления о других планетах. Да это и не важно. Главное я начал чувствовать себя намного лучше. Я встал, сделал разминку, но вскоре физические упражнения мне надоели, и я вновь лег на топчан.

Правда, приподнятое состояние духа держалось не долго. Вскоре мне стало скучно. «Было бы не плохо, если бы мне включили какую-нибудь развлекательную передачу» – поду-

мал я, и тут же хмуро ухмыльнулся своей глупой мысли. Заключенных не развлекали голограф-новостями.

Если бы я еще немного побыл в полном одиночестве, то мое настроение вновь испортилось бы окончательно, но этого не произошло...

Входная дверь в мою камеру бесшумно открылась и ко мне в гости пришли полковник Шорла и сам генерал Виллис. Мне никогда не приходилось встречаться с генералом лично, но я хорошо знал его из хроник голограф-новостей и по существующим среди военнослужащих слухам. Он полностью соответствовал моему представлению о нем. Это был огромный хорошо физически сложенный мужчина со строгим выражением лица и проницательными глазами.

Генерал оценивающе посмотрел на меня сверху вниз и сказал:

– Я поздравляю Вас, Дюрон, мы почти разобрались с вашим делом и теперь не видим смысла держать Вас под стражей. Но нам все же придется задать Вам несколько вопросов. Заметьте, от ответов на них зависит дальнейшая ваша судьба.

– В чем же меня обвиняют? – тут же спросил я.

– Если вам интересно, я расскажу все подозрения и обвинения чуть позже, – Жестко сказал Виллис, – или вы поймете все сами...

Виллис оборвал предложение и вопросительно уставился на меня. Наверно, у него была такая манера ведения разго-

вора.

Такого поворота событий я не ожидал, поэтому удивленно посмотрел вначале на генерала, а затем на полковника Шорла. Полковник лишь сдержанно махнул головой – по-видимому, это означало, что мне придется отвечать на все интересные генерала вопросы.

– Конечно, я готов к сотрудничеству, – сообщил я.

– Вот и хорошо, – Виллис присел на лежак, это говорило о том, что разговор намечается не короткий.

Полковник Шорла облокотился о стену и внимательно слушал и наблюдал за генералом.

– Скажите, какую личную просьбу полковника Гленке вы должны были выполнить на Келсе? – начал генерал Виллис.

Вопрос был провокационным, чрезмерно прямым и даже не завуалированным. Соответственно от меня ожидали такого же ответа.

– Никаких личных просьб полковник Гленке не высказывал, – совершенно искренне признался я. – Наоборот мне показалось, что он чего-то боится и нервничает.

Виллис внимательно посмотрел на меня. Казалось, его глаза излучают рентгеновские лучи, которые просвечивают меня насквозь.

– Верю, – медленно сообщил он. – Полковник Шорла рассказал мне как ты оказался в плену и что там происходило... С твоих слов конечно. Ты ничего добавить не хочешь? Может быть в разговоре с ним ты что-нибудь упустил? Или, на-

оборот, что-то вспомнил?

Генерал Виллис начал говорить свойским тоном, и, как бы невзначай, перешел на «ты». Эти вопросы подтверждали мои догадки – меня подозревают в измене!

Я на время задумался и потом уверенно сообщил:

– Я могу повторить свой рассказ, но не думаю, что смогу сказать что-то новое, нежели сообщил полковнику.

Я был уверен, что полковник дословно передал ему мой рассказ о пленении. Но даже если полковник в чем-то и ошибся, подслушивающие и подсматривающие устройства камеры будут предельно точны. А в том, что всеми этими устройствами обильно напичкана камера, я не сомневался.

И вновь меня начали просвечивать рентгеновские лучи Виллисовских глаз.

– Ладно, верю. Скажи, а могли ли зельцы тебя каким-либо образом запрограммировать?

Ах, вот из-за чего такой сыр бор! Да откуда же я знаю, сам-то плен я очень плохо помню. Я, так и сказал:

– К сожалению, я вряд ли могу подтвердить или опровергнуть ваши подозрения – в плену я был большее время в беспомощности...

– В этом-то вся и проблема, – Виллис посмотрел на полковника Шорла, как будто решая говорить ему очередное предложение или нет.

Затем, по-видимому, генерал решился и сказал:

– Мы предполагали, что ты вряд ли сможешь вспомнить

о своем плене. Поэтому-то и был отдан приказ о немедленном осмотре на психолографе. Но как вы уже понимаете, этот осмотр ни к чему не привел...

Виллис многозначительно замолчал. Мы с полковником Шорлом удивленно смотрели на этого мужественного человека. Я никогда не слышал, что бы психолографы ошибались или отказывались показывать информацию. Да и не должен был я этого слышать. Подобная информация обычно засекречена.

– Кроме того тебе незаметно была введена инъекция СП (Сыворотка Правды – сильно действующий наркотик), но которую твой организм никак не отреагировал, – Виллис вновь многозначительно замолчал.

Вот как?! В меня впрыскивали какую-то дрянь, от которой отказались еще десятки лет назад?!

– Так вот, Дюрон, мы не сможем Вас выпустить из-под стражи пока не убедимся, что Вы совершенно безвредны для нашего общества, – генерал вновь перешел на официальное «Вы».

– Но как же, – начал, было, я, но тут же осекся.

Генерал, конечно же, прав – я могу быть опасным. Кто его знает, что зельцы сделали с моим сознанием? Может быть, они запрограммировали его на какой-нибудь террористический акт, или... Да, черт возьми, я даже могу взорваться в неподходящем месте.

– Есть еще одно обстоятельство, которое не позволяет нам

вас выпустить, – оборвал Виллис мои никому не нужные размышления.

Я удивленно посмотрел на него.

– Нам почти ничего не известно о Вас, Серж.

Он смотрел на меня в упор. Его глаза стали маленькими буравчиками, которые пытались проникнуть в мое сознание, но у них это не получалось...

– Я думаю, что в моем личном деле все освещено, – нерешительно сказал я.

– Мы то же так думали, но, увы.

– Что значит «увы»?! – искренне удивился полковник Шорла.

Он впервые за это время заговорил. И удивление его было не столько профессиональным, сколько человеческим. Я тоже был удивлен не меньше его. Ведь не для кого не было секретом то, что существуют специальные службы, которые собирают информацию о каждом человеке, тем более, если этот человек военнослужащий. А я все-таки военнослужащий, хоть и наемник.

– К сожалению, у нас не вся информация о Вас, – поправился генерал. – Нам известно все, что происходило с Вами с момента Вашего прихода в компанию «Человек в розницу», а до этого нам ничего не известно. Может быть, Вы мне расскажите всю свою историю?

– «Человек в розницу»?! – только и всего, что я смог прошептать.

Я был ошарашен. Более того – я был подавлен! Я никогда не подозревал, что моя судьба проходила через компанию, которая торгует людьми! Когда-то я слышал об этой компании, и даже знал некоторых людей – выходцев из нее, но что бы я сам был ее продуктом – это уже слишком!

Компания «Человек в розницу» начала существовать в те времена, когда появились первые психолографы. Бедные люди, у которых не было средств для существования семьи, сами приходили в эту компанию и продавали свое тело. Да именно тело, потому что сознание проходило специальную обработку на психолографе и человек уже не мог вспомнить кем он был до этого. При этой сложной операции происходила активация тех частей мозга, которые отвечали за навыки и способности. То, что человек умел делать кое-как – начинал делать отлично. Он становился профессионалом своего дела, чем и был ценен для других компаний, которые в последствии и выкупали его... Зато семья за проданное тело могла какое-то время жить безбедно.

Я был одним из таких искусственных профессионалов?! Что же меня или мою семью толкнуло сделать это?!

По-видимому, мое выражение лица было на много красноречивее меня самого, потому что за меня ответил генерал Виллис:

– Все ясно, Вы то же ни чем не сможете себе помочь.

Это была грустная констатация факта. Потому что я понял, что на самом деле ничего не могу вспомнить с момента

учебы в военно-космическом училище.

Я сидел, и смотрел себе под ноги, упорно перебирая в голове все, что вмещала моя память. Но так ничего и не вспомнил ни о своем детстве не о своей юности. Я хорошо помнил, как учился в училище, как воевал на разных планетах, отстаивая честь и право человечества занимать главенствующее место во Вселенной. Но что было до этого, я ничего не помнил. А еще меня удивляло, почему до сих пор я об этом никогда не задумывался? А собственно, почему я должен был об этом задумываться – ребята из компании «человек в розницу» потрудились, как следует!

– А что в показаниях психолога? – спросил полковник Шорла, и это вывело меня из ненужной задумчивости.

Точно! Психолог! Ведь при помощи этой машины можно не только стирать личность человека или считывать все с его мозга, но и восстанавливать память. Я с нескрываемым любопытством посмотрел на Виллиса.

– В том – то и дело, что почти ничего, – нехотя ответил генерал.

– Ваше «почти», говорит о том, что что-то все-таки есть, – продолжал настаивать полковник.

– На самом деле это очередная загадка, которую, опять же, возможно, сможет раскрыть Дюрон.

Я смотрел на генерала в ожидании очередного вопроса, касающегося загадок моей личности.

– Психолог ничего не показал – даже того, что с Вами

происходило после того, когда вас выкупили из компании «Человек в розницу». Вы можете это как-нибудь пояснить?

– Нет, – я устало махнул головой.

– Но из памяти или закровов сознания всплыла одна картинка, которая и перекрыла, возможно, заблокировала, Ваше сознание для психолога, – жестко продолжал Виллис.

– Какая картинка? – тут же оживился Шорла, давая мне знак рукой, что бы я ничего не говорил.

– Картина девушки, – генерал говорил, спокойно просвечивая меня своими глазами-рентгенами и при этом же буравя меня насквозь. – Кто эта девушка?

– Какая девушка? – удивленно спросил я, не смотря на то, что Шорла продолжал отчаянно показывать мне, чтобы я молчал.

– Красивая девушка, – продолжал Виллис. – Обнаженная. У Вас были когда-нибудь сексуальные проблемы?

– Этот вопрос не относится к теме нашей беседы, – вмешался в разговор полковник Шорла. – Дюрон не отвечайте на вопросы такого рода!

Я и не собирался отвечать. Я сидел, глупо смотря на Виллиса. То о чем он говорил, мне что-то напоминало, но я никак не мог вспомнить и понять что именно.

– Может быть, эта девушка сможет нам разъяснить секреты вашего происхождения и самое главное секреты вашей памяти?

Я молча пожал плечами, потому что, если честно, то ни-

когда не подозревал о существовании какой-то девушки. У меня никогда не было любимой девушки! По крайней мере я так всегда думал до сегодняшнего времени. Раньше я всегда решал свои сексуальные вопросы в борделях, прикрепленных к воинским частям. Но что-то я не помнил, что бы когда-либо влюблялся. Честно говоря, сейчас я понял, что многого не помнил...

Поэтому на вопрос Виллиса я лишь пожал плечами.

– Скверно, – только и сказал генерал.

Это я понимал и сам, чем и был поражен.

– А еще эта девушка (картинка) блокирует все каналы, по которым лучи психолографа проникают в мозг, – продолжал Виллис. – Как вы думаете, что бы это могло быть?

Я только пожал плечами.

– Генерал, мне кажется, пришло время поговорить с глазу на глаз, – сказал Шорла, и я воспринял его слова как во сне, – без Дюрона естественно.

– Вы так думаете?

Полковник кивнул, но об этом я только догадался, потому что глупо смотрел себе под ноги. Я так был увлечен рассматриванием серого пола, что даже не заметил, что ответил генерал Виллис. Оторвать меня от созерцания пола смог легкий шум закрывающейся двери.

Ничего невидящим взглядом я окинул свою камеру. Неужели мне придется провести здесь всю оставшуюся жизнь? Военное командование вряд ли пойдет на то, что бы

выпустить меня на свободу с таким количеством вопросов к моей биографии. Карьера загублена, работы – нет! А значит, мне необходимо постараться самому во всем разобраться. А в чем я могу разобраться, находясь в камере? Ни в чем! Значит, мне нужно бежать...

«Бежать! Бежать! Бежать!» – настойчиво жужжало у меня в мозгу.

Я прекрасно понимал, что это не выход, но ни чего другого я пока не видел. Ну почему же не видел? Ведь можно постараться вспомнить все!

«Вспомнить все», черт возьми, так же назывался древний фильм, который эти древние почему-то называли фантастической...

Бог ты мой! Откуда я это знаю? Я же не разу со времен учебы в военно-космическом училище не ходил на кинопросмотры, а во время учебы мы смотрели только научно-технические фильмы, которые как не странно я мог совершенно спокойно рассказать и сейчас.

Может быть, воспоминание об этом фильме и есть проявление моей загадочной памяти? Значит, надо попробовать вспомнить каждую мелочь, каждую деталь...

Это важно, это чрезвычайно важно!!!

А затем можно будет каждую мыслишку синтезировать и получить положительный результат!

Растянувшись на топчане, я сосредоточился.

Я напрягся, заставляя свой мозг думать и вспоминать.

Никогда в жизни не думал, что это так сложно. У меня не выносимо разболелась голова, но я продолжал о чем-то думать. Мысли были не о чем и обо всем сразу. Они путались и переплетались, терялись и вновь находились, но ни к какому результату не приводили. В сложившейся ситуации мне показалось, что было бы легче вообще ни о чем не думать. Я даже смог бы посетить нирвану!

Мне приходилось много читать о людях потерявших память, но я не помню, что бы они ее полностью приобретали без ущерба для собственной личности. И вновь не понимаю...

Стоп! Оказывается, я когда-то и что-то читал! Это что-то новое, ведь уже давно не издают книг – все пользуются голографическими информ-блоками! Взял себе флеш-инфо, вставил его в разъём голографона и вся информация перед тобой! А откуда я знаю о книгах? Наверное, это и есть обрывки памяти.

Это и все что я смог выудить из своего сознания, или все-таки из бессознательного?

Ага! Значит, я еще знаю, что существует некое бессознательное! А откуда я это знаю? Может быть, я об этом тоже читал? Нет! Я изучал бессознательное! Но где и как я это делал? Следует заметить, что изучение бессознательного ныне считается бесполезной работой, за которую никто не платит. Но когда-то это было модно и дорого!

Все! Больше никаких воспоминаний о том, что я не

знаю... Память послушно выдает все военные действия, в которых я так или иначе участвовал...

Я так увлекся своими размышлениями, что даже не заметил, как дверь в мою камеру открылась, и ко мне вновь вошли полковник Шорла и генерал Виллис. От этих размышлений меня отвлек голос генерала:

– Пытайтесь что-нибудь вспомнить?

Его пронизательность не знала границ.

Я поднял глаза на вошедших и сказал:

– Пытаюсь...

– Получается, – поинтересовался полковник.

– Нет, – честно признался я. Точнее сказать не совсем честно, ведь какие-то обрывки воспоминаний у меня появились, но пока не было смысла о них распространяться.

– Жаль, – посочувствовал мне Шорла.

Это я и без него знал.

– Сейчас к вам придут ученые в области психологии и психиатрии, – продолжал генерал. – Постарайтесь быть с ними максимально откровенными. От этого зависит ваша судьба...

Я промолчал. По-видимому, полковник Шорла настоял на дополнительном исследовании, или, может быть, это было запланировано заранее? И теперь я созерцаю хорошо продуманный спектакль.

Полковник и генерал молчали, глядя на меня. Я не знаю, чего они ожидали, поэтому тоже молчал.

– Не расстраивайтесь, – попытался успокоить меня полковник. – Совместными усилиями мы постараемся что-нибудь для Вас сделать...

Я не верил его словам. В настоящий момент я являлся хорошим подопытным материалом. И я это понимал. Они тоже это понимали. И я знал, что они понимают, что я тоже это понимаю. Вот такая получается тавтология... Хотя нет – это печальная проза жизни.

Они не собирались уходить – они ждали ученых. Это могло говорить только об одном – на всех экспериментах кто-то из них будет присутствовать. Всеобщее недоверие – сущность этого мира. С этим надо смириться. Если никто никому не доверяет, то почему я должен надеяться на доверие ко мне после зельцевого плена?! Но меня сейчас это не тревожило. У меня в голове висел один банальный вопрос: «Кто я на самом деле? Кто я? Кто????». Ответов пока не находилось, поэтому приходилось вместе с полковником и генералом ждать появления психологов и психиатров.

Ждать пришлось не долго. Вновь открылась дверь моей камеры и вошли три человека – два мужчины и одна женщина. Белые комбинезоны с красными эмблемами института Межгалактических исследований выдавали в них ученых.

– Мы ознакомлены с сутью возникшей проблемы в общих чертах, – сообщил мужчина с академической бородкой. – Но нам необходимо знать как можно больше подробностей, что бы понять чего же вы от нас хотите.

Мужчина говорил ни к кому не обращаясь. Его голос звучал монотонно, поэтому создавалось впечатление, что он выступает на кафедре перед студентами, а не общается с самым неординарным генералом Военно-Космических сил.

– Камеры для заключенных не снабжаются необходимым количеством посадочных мест, – улыбнулся генерал, – поэтому присаживайтесь, где посчитаете нужным.

Ответ был не впопад, но уж таков генерал Виллис.

Вошедшие осмотрели камеру и по предложению генерала уселись рядом со мной на лежак. Только теперь я заметил, что они были с небольшими металлическими чемоданчиками, которые они не выпускали из рук. «Драгоценности там у них что ли?» – мелькнуло в голове.

– Этот человек, – генерал указал на меня, – побывал в плену у зельцев, и как видите имел счастливую возможность вернуться. Естественно его персона привлекла наше внимание. С показаниями психолога я думаю, вы уже ознакомлены...

Трое ученых синхронно замахали головами.

– Затем выяснилось, что этот человек был продан в Военно-Космическое училище организацией «Человек в розницу».

– Другими словами он уже подвергался воздействию психолога? – поинтересовалась девушка.

– По-видимому, – осторожно сказал генерал.

– То есть, как, по-видимому? – продолжала задавать во-

просы девушка.

– Нам это доподлинно не известно, – генерал покосился на меня, некоторое время сомневался говорить ему очередную фразу или нет, и все же решился. – В компании «Человек в розницу» в прошлом году был пожар, и вся информация о тех, кто проходил у них до прошлого года, бесследно уничтожена...

– А на центральном сервере тоже ничего? – продолжала допытываться девушка.

– Ничего, – развел руками генерал. – Серверная компании «Человек в розницу» сгорала вместе с документами. А в центральную сеть, как вы понимаете, такую информацию никто не сольет!

– Все понятно, – вновь вступил в разговор мужчина с бородкой, – вам необходимо вскрыть все ячейки памяти замороженные психологом?

Я слушал этот разговор не внимательно. Сложно сказать какие мысли меня занимали в тот момент, но то, что все происходящее я воспринимал как кошмарный сон – это точно. Правда краем сознания я уловил, что все это походит на какой-то спектакль. Может быть, поэтому я не сразу понял, что генерал с полковником уже были знакомы с учеными в белых комбинезонах. Хотя бы то, что они не поздоровались и не представились, говорило об этом. Я даже не заметил, что разговор идет обо мне, как о третьем лице – как будто меня здесь нет. Это я понял позже, когда я остался один и смог

проанализировать происходившее.

– Совершенно верно, – сказал генерал.

– И вы, конечно, будете присутствовать при нашей работе? – не то спросил, не то утвердил мужчина с бородкой.

– Конечно, – все тем же тоном сказал Виллис.

Эта небольшая беседа окончательно утвердила меня в том, что подобные операции не впервой как для генерала, так и для ученых. После сказанных слов я постарался сосредоточиться.

– И так начнем, – констатировал до сих пор молчавший мужчина с чисто выбритым лицом, острым носом и как оказалось очень проницательными глазами. – Как вас зовут?

– Серж Дюрон, – отрекомендовался я.

Наконец-то на меня обратили внимание!

– Как вы себя чувствуете?

– Я, конечно, извиняюсь, может быть это не мое дело, – аккуратно начал я, – но вас-то как зовут?

Вместе сосредоточенностью ко мне начало возвращаться чувство юмора, потому я и начал иронизировать.

– Это не имеет значения, – отрезала женщина. – Наша задача вскрыть Ваши ячейки памяти, Ваша задача помочь нам.

– Не очень-то вы любезны, – слегка возразил я. – Вот психологи древности были более лояльными....

Я даже резко замолчал от неожиданности собственных слов. Черт возьми, откуда мне известно какими были психологи древности? По-видимому, я замолчал слишком резко.

Это заметили все присутствующие.

— Очень хорошо, — оживился человек с бородкой. — И какими же были психологи древности?

— Я... я не знаю.

Я действительно этого не знал, по крайней мере, не помнил...

— Так вот молодой человек, — продолжила женщина, только уже намного мягче, чем раньше, — если не знаете, то и не указывайте нам что делать. А вот вспомнить, откуда это вы знаете, мы вам поможем.

В ее словах была слышна тавтология, но я ее понял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.